

Мужчины и дирижабли

Автор:

Лера Тихонова

Мужчины и дирижабли

Лера Тихонова

Лабиринты любви

Веселые истории Леры Тихоновой – писательницы, блогера, мамы, жены, официантки в собственном ресторане и бывшего директора отеля в одном лице – не составят конкуренцию «Войне и миру», но, несомненно, поднимут вам настроение на пару десятков градусов. Главное – не читать их запоем за завтраком, обедом и ужином: можно поперхнуться от смеха.

Лера Тихонова

Мужчины и дирижабли

Моим многочисленным мужьям, детям и друзьям посвящается

Недавно я прочитала об одной женщине с четырьмя ногами. Она родилась во Франции в XX веке. У неё были две большие ноги по бокам и две маленькие посередине. Но, что самое удивительное, она совершенно не страдала от комплекса неполноценности. Зарабатывала в цирке кучу денег, была обласкана публикой и составила прекрасную партию симпатичному мужчине. Конечно, чем больше у невесты ног, тем меньше претензий к жениху, но ведь и муж ей попался отличный, не придерёшься – умный, богатый и красивый. Они родили четверых детей – по двое из каждой вагины – и прожили душа в душу до глубокой старости.

У меня, например, ног и вагин стандартное количество, но тем не менее я всю жизнь терзалась из-за собственного несовершенства. Мама твердила с детства, что всё у меня хорошо, вот только глазки маловаты, нос длинноват, язык как помело, а руки и вовсе из одного места. В итоге к пубертату я чувствовала себя артисткой цирка уродов и часами смотрелась в зеркало в мучительном поиске следов красоты. И даже спустя десятилетие, получив предложение выйти замуж, вместо «да» спросила жениха: «Ничего, что у меня руки из одного места?» Мама в ответ на новость лишь поинтересовалась, знает ли несчастный, что у невесты сороковой размер ноги. Но несчастный не растерялся и сказал: «Зато лыжи зимой покупать не придётся». Да и летом с сороковым можно легко пройти по болоту, тогда как все конкурентки утонут. Это меня немножко утешило, и я вышла замуж.

Мы прожили с мужем шесть лет. У нас родился чудесный мальчик. Однако счастливой жизни не получилось. Может, мои маленькие глазки и длинноватый нос сыграли роковую роль. Может, вооружившись борщами и котлетами, я пошла к сердцу мужа слишком банальным путём, но заблудилась в пищеводе и вышла совсем с другой стороны. А может, виной послужил мой вздорный, плаксивый характер, при проявлениях которого мама всегда говорила: «Ничего-ничего, побольше поплачешь – поменьше пописаешь!» И, кстати, да – писала я последние пару лет перед разводом совсем мало. Спустя годы я поняла, что причиной нашего расставания был сон неведения, в который мы с мужем были оба погружены, – состояние, когда нескончаемо и громко звонит будильник, а человек, вместо того чтобы проснуться, ищет в своём дурном сне виноватого.

Мы разбежались. Наш маленький сын сильно переживал. Я пустилась во все тяжкие, перебирая мужчин. Мне понадобилось целых пять лет, чтобы понять две простые истины: за кого замуж ни выходи, сама с собой в браке и окажешься. И – если себя по-настоящему не любишь и не ценишь, то и всякая рожа рядом будет противна. Мама, кстати, к тому моменту приняла православие, раскаялась в грехах и однажды призналась, что в юности, когда она надевала любимые рваные джинсы, бабушка всегда плакала и говорила: «Ой, ну куда ж ты такая убогая пойдёшь? Что ж ты меня позоришь перед людьми?!» Короче, мама теперь ходит в храм и пытается полюбить себя через симпатичного Христа.

Пять лет моих скитаний по мужчинам и странам не были похожи на благородный восьмеричный путь. Я никак не могла проснуться и хорошенько помесила грязь по бездорожью в поисках счастья. Меняла профессии и города, ввязывалась в авантюры, попадала в дурацкие любовные истории. Постепенно я научилась

терпеть. И прощать (прощала, если честно, всё, кроме выражений «кушать мяско» и «чмоки-чмоки»). Но мужчину, того самого, единственного, так и не нашла. И лишь на шестом году «холостой» жизни, когда я смиренно приняла факт, что быть мне до конца жизни одной, вдруг встретила Его. И себя заодно.

Мы вместе уже три года. Яды ума иногда отравляют моё семейное счастье, особенно когда муж в сотый раз удивляется: «А разве ты это говорила?! Я не слышал!» Или, задумчиво почёсывая щетину, вопрошает, не видела ли я его второй носок. Когда носки переполняют чашу моего терпения, я закатываю скандалы со слезами. Случается это обычно в полнолуние, когда у женщин, как и у мировых океанов, происходит отлив, и слёзы в данном случае – обычное природное явление.

Увы, шансов пройти путь бодхисаттвы и окончательно пробудиться у меня нет. Но я рада, что к тридцати восьми годам хотя бы приоткрыла один глаз, из щёлочки которого смотрю на небо. И вижу там, за плывущими тучами, свет. Вечно сияющий свет.

Часть I

Роковой мужчина

– Можешь меня убить, – с надрывом сказал мой Роковой мужчина, – но я возвращаюсь в семью!

– Ну и пожалуйста! – я отложила сковородку в сторону. – Тефаль ещё об тебя марать!

За полгода нашей «любви» я привыкла к его перебежкам. Первая была величественная, словно исход иудеев из Египта. Всполошились обе стороны. Жене он сообщил, что не вернётся никогда, а меня заверил, что пришёл навсегда. Но, как выяснилось позже, категории вечности в его трактовке имели водевильный характер, и два последующих «никогда» и «навсегда» произвели

на нас меньшее впечатление.

В наших отношениях я всегда чувствовала себя андалусским бандитом Хосе из «Кармен», а он вёл себя как капризная, блудливая Карменсита. Причём мой «homme fatale» взял худшие черты от «femme fatale» – он, как полагалось, был бессовестный, вероломный негодяй и лгун, а вот магнетизм и роковая красота отсутствовали напрочь. Вечерами он пил пиво и ел куру-гриль, отрачивая живот, и в спортклуб его было не загнать. Думаю, он знал секрет: мужчин в России мало, они в цене, и за них сражаются.

Я тогда работала в одном известном московском пятизвёздочном отеле. И однажды праздновала повышение по службе. Моя коллега Ритуся (коротко – Туся) пришла поздравить меня со «старшим менеджером». На её шее красовался внушительный бант кота Леопольда. Туся выпила полбутылки киндзмараули и, развязав бант, гордо продемонстрировала мне синяки.

– Это из-за косметолога, – заговорщицки подмигнула она. – Слишком долго делала мне эпиляцию.

– Шеи? – поразилась я.

– Да нет, зоны бикини... А муж потом меня душил, – она захохотала. – Ревнует, пакость такая!

Тусин муж волочился за каждой юбкой и при этом подозревал жену в любовных связях с клиентами, таксистами, официантами и даже соседским дедушкой. Муж частенько поднимал на неё руку, оставляя «метки любви». При этом Туся страшно боялась, что её «убийца» умыкнут соперницы. Каждое утро вместо поцелуя он, как Чикатило, твердил: «Помни! Ежедневно на рынок выбрасываются тысячи и тысячи молодых женских тел!» И она была готова сражаться за право быть жертвой собственного мужа.

К сожалению, московский рынок и правда переполнен. Девушки на любой вкус и цвет всегда съезжались в столицу со всех уголков России. В нашем отельном бизнесе на десять девчонок был всего один парень, и тот небанальной ориентации. Хуже обстояли дела только в туристических агентствах. И ещё хуже – в ночных клубах, где невесты маялись тучными стадами, а редкие кавалеры смотрели поверх голов, боясь встретиться взглядом, чтобы дамы не

разорвали на куски.

Перевес женщин всегда деструктивно влиял на мою психику, и по клубам я не ходила. Мой суженый тоже. У него был свой маршрут – как у троллейбуса – от жены ко мне и от меня к жене. После третьей ходки мы с его Леной подружились. Иногда я ей звонила:

– Леночка, может, заберёшь сегодня нашего?

– Сегодня не могу, дорогая. Иду в театр.

– Ну хорошо. Положи ему в следующий раз побольше сменных носков.

Его мама была на моей стороне:

– Знаешь, я выбираю тебя. Ленка никогда мне не нравилась.

А дочь – на маминой:

– А где найти другого? Держись, мам, двумя руками за нашего дурацкого папочку!

Умная девочка уже тогда понимала, что мужчины – товар дефицитный и долго не залёживаются.

Наш финансовый директор Викуся (коротко – Куся) в свои тридцать пять всё ещё была не замужем. Самодостаточная, красивая и умная, Куся отслеживала будущего мужа в московских кущах, словно охотник антилопу. Её тонконогие бойфренды чуть что шарахались в кусты: игнорировали звонки, забывали явиться на свидания или вовсе пропадали. Но она не сдавалась и упорно добивалась их благосклонности. Ещё немного, и цветы бы понесла для завлечения робких парнокопытных.

Иногда я ходила в столовую вместе с Кусей и Тусей. Сотрудников в нашей столовой кормили так, будто проверяли на живучесть. Две дюжие поварихи притаскивали адские котлы и с дьявольской ухмылкой плюхали в тарелки разваренные пельмени или истекающие жиром куриные ноги с картофельным пюре из порошка. К нам за столик часто подсаживался консьерж Алексей (коротко – Люся) и каждый раз вздыхал: «Эх, девчонки, парня бы мне хорошего!» И я с ужасом понимала, что конкуренция ужесточается день ото дня.

Уже тогда я перестала удивляться росту гомосексуализма. Ведь чем крепче и решительней женщины, тем слабее мужчины. Раньше слабость была главным дамским оружием, и плакали мы слезами бессилия. Но потом мы сменили кредо на силу и стали плакать слезами ненависти.

Наш постоянный гость, шаман из Гималаев, задорого сбывающий истину в московском центре «Пранамания» и живущий исключительно в люксе, советовал мне лить только слёзы отчаяния о собственном несовершенстве. «Чем охотиться за мужиками, лучше чисти карму!» Он забывал об одном: пока я буду надраивать карму, какая-нибудь менее чистоплотная отхватит последнего неразобранного жениха.

Моя мама смотрела на мои мучения со скепсисом: «Молись не о женихах, а о жизни вечной, дурочка!» Но вечная жизнь меня тогда интересовала гораздо меньше, чем суточная норма калорий в моей диете. Хорошо, что мама не знала про роман с женатым, а то точно предала бы меня анафеме.

Мой сын никак не мог запомнить имя приходящего дяди, хотя давал имя каждой мухе, бьющейся в стекло, каждому комару, присосавшемуся к руке, и никогда не путался, требуя отпустить на волю Катю или Васю. Наверное, сын, как все дети, чувствовал фальшь и призрачность наших отношений с Роковым мужчиной. Временами они виделись почти каждый день, но существовали будто бы в параллельных измерениях, оставаясь глухими и слепыми друг к другу.

Четвёртый занос чемодана в мой дом пришёлся на конец октября. Я давно перестала ждать моего Рокового сеньора, но, как писал Мериме, рок всегда следует обычаю женщин и кошек, которые не идут, когда зовут, и приходят, когда не звали.

– В этот раз точно навсегда! – сказал «рок» и деловито вкатил гроб на колёсиках в мою жизнь.

– «Навсегда» каждый раз приходится на последнюю пятницу месяца, – едко сказала я. – У тебя абонемент, что ли?

– Я всё придумал! Ты бросаешь работу, и мы отбываем на три месяца на райский остров. Представь – только ты и я! Дауншифтинг пойдёт нашим отношениям на пользу.

– Райский остров, конечно, здорово, – неуверенно пробормотала я. – Но у меня сын. Да и на работе только что повысили.

– Я оставил семью ради тебя! А ты цепляешься за какую-то работёнку?!

Куся и Туся были в шоке.

– Как увольняешься?! Сдурела?!

– Цыгане говорят: «Того, кто наслаждается, чесотка не грызёт»... Понимаете, любимый пригласил меня в рай. После той нехорошей библейской истории с Евой не могу отказать. Я теперь этот, дауншифтер...

– Дауншифтер от слова «даун»? – усмехнулась Куся.

Бывший муж, услышав новость, с удовлетворением сказал, что если до этого он ещё задавался вопросом, отчего меня так сильно ненавидит, то теперь, к счастью, все вопросы отпали. Да и что ещё можно ждать от матери-кукушки?

После развода мне было тяжело находиться рядом с бывшим, в радиоактивном облаке его ненависти, и, передавая или, наоборот, забирая сына, я всегда старалась как можно быстрее покинуть заражённую территорию. К счастью, я точно знала, что сыну хорошо с отцом. Настоящий еврейский папа, тот точно знал, что в обед надо кормить ребёнка наваристым супом, а в прохладный день надеть ему под штаны колготки. Если честно, даже будучи в браке, я всегда проигрывала в чемпионате за звание лучшего родителя, время от времени забывая про суп и колготки. Выбыла из соревнования я уже в первом туре, как

только вышла из роддома с кульком на руках, и с тех пор у меня не было шансов. Иногда мне, правда, доставался приз зрительских симпатий, но только от зрителей с моей трибуны. С трибуны мужа в меня всегда летели тухлые помидоры и яйца.

Короче, оставив ребёнка на три месяца с бывшим, я летела по лестнице с шестого на первый этаж, чувствуя себя самой настоящей пернатой матерью-кукушкой. Меня разрывали противоречивые чувства: и вина перед сыном, и предвкушение счастливой поездки, и размышления, что свинья-копилка бывшего мужа и так полна моими грехами под завязку, так что ещё один небольшой грех не сыграет большой роли.

События развивались стремительно. Я рубила канаты и паковала вещи. Остров Бали в сказочной дымке лежал где-то за горизонтом.

– Слушай, а давай сдадим твою хату? – выступил с предложением Роковой мужчина. – Что ей пустой стоять?

Мне показалось дельным его предложение, и я быстро нашла жильцов.

В день отъезда я присела перед дальней дорогой на чемодан. Новые жильцы заносили в квартиру вещи. Мой суженый задерживался. Я набрала его номер:

– Ты где?! Мы опоздаем в аэропорт!

– Я не еду, – как ни в чём не бывало заявил мой ряженный. – Я встретил настоящую любовь и ухожу от вас обеих.

«„Разве я не обещала, что приведу тебя на виселицу?“ – подбоченясь, сказала Кармен и дьявольски захохотала Хосе в лицо».

Не буду долго рассказывать, что мы с Леной пережили. Но ей всё-таки было проще – у неё остались и работа, и квартира. Моё место в отеле уже было занято, а жильцов я сама трогать не стала. Хорошо, что Куся предложила пожить у неё до окончания договора аренды. Но если вы думаете, что я, безработная и бездомная, не открыла дверь нарисовавшемуся через месяц ренегату, то вы ошибаетесь. На то «*homme fatale*» и существуют, чтобы держать

девиц за кончик носа и заводить их в такое место, откуда уже не выбраться. Он припёрся домой к Кусе на голубом глазу. Молча вкатил траурный чемодан и принялся его распаковывать.

– Ты навсегда? – поинтересовалась я.

– Не уверен. Но поживу пока.

Кровь ударила мне в голову.

– Карменсита, детка, – злобно сказала я и поставила ногу на чёрную крышку, – давай на этом юбилейном пятом исходе мы и остановимся. Ты сейчас вернёшься домой, и больше я тебя не увижу.

Закалывать его кривым ножом, как Хосе – Кармен, я не стала. Под нашим с Кусей нажимом он исчез из её дома и моей жизни. Правда, не бесследно. Через несколько дней мне принялись названивать незнакомые мужчины. Они спрашивали, когда я могу приехать, чтобы сделать им какой-то фистинг с петтингом. Оказывается, Роковой мужчина не поленился и дал объявление с моим телефоном о секс-услугах. И его крепко спящая совесть даже не перевернулась на другой бок.

Думаете, я сердилась? Нет, скорее удивлялась формулировке звонящих. Они хотели, чтобы я приехала и сделала «это» с ними. Но природа скорее поручила мужчинам сделать это со мной! Мы окончательно поменялись ролями. Афроамериканская феминистка Глория Уоткинс вряд ли задумывалась о последствиях своей подрывной деятельности. Её чёрные и белые сёстры напоролась на то, за что боролись. Но я не хотела быть статуей Свободы, сжимающей в беспощадной руке фаллический символ!

Пока я бегала по отельным собеседованиям, мне звонил как минимум десяток страждущих фистинга. В конце концов я начала давать им телефоны друг друга, чтобы они обрели взаимное счастье. А сама поменяла телефонный номер и образ будущего мужа в голове. Теперь я твёрдо знала, что мне нужен не еврейский папа, рядом с которым я всегда буду чувствовать себя матерью-неудачницей, не роковой мужчина, который щедро обеспечит меня бессонницей и неврозом, а мужчина, способный взять мою неказистую жизнь в свои руки, настоящий победитель и герой. И отчего-то я была уверена, что очень скоро его встречу!

Супергерои бессмертны

Однако оказалось, что герои и победители давным-давно занесены в Красную книгу как вид, находящийся на грани исчезновения. Оглянувшись вокруг, я пришла в ужас – сплошные метросексуалы. В моём любимом салоне в колонке клиентов на маникюр и эпиляцию были одни Сергейи, Иваны, Никиты, страдающие наличием обширных волосяных покровов. На конкурсах аргентинского танго призовые места занимали однополые пары. Светские мероприятия ломились от хипстеров в модных ботиночках. Демонстрации гомосексуалистов стягивались плотным кольцом. А внутри кольца – задыхающиеся женщины и Путин. «Ну не можем же мы все рожать от Путина!» – размышляла я, и паника нарастала.

Окружающие меня мужчины напоминали поведением моего Рокового сеньора: слабые, обидчивые неврастеники, и в противовес им – решительные, боевые бабы, все сплошь без эпиляции из-за полной записи. Я в отчаянии всматривалась в московскую толпу в поисках хоть чего-нибудь героического. И однажды, сидя в кафе и краем глаза поглядывая на экран телевизора, увидела.

Ребята с обветренными лицами улыбались в камеру и бесстрашно кидались с заснеженных вершин. «Вот это да!» – подумала я и с презрением посмотрела на своего спутника, лощённого топ-менеджера, скандалящего с официантом из-за десятиминутного ожидания блюда. Этот был явно способен кидать лишь пальцы и женщин.

Придя домой, я занырнула в интернет и выяснила, что отважные парни называются бейсджам-перами. С джамперами мне было ясно, а вот «бейс», как оказалось, аббревиатура четырёх английских слов: building, antenna, span, earth – то есть все поверхности, с которых можно прыгать. К счастью, бейсджамперы водились не только в Гималаях. В Москве они обитали на аэродромах и в аэродинамических трубах.

– Теперь я знаю, где его искать, – заявила я на воскресном заседании нашего женского клуба. – И это настоящий герой.

Девчонки посмотрели на меня с недоумением. Герои в те годы спросом не пользовались. В тренде нашего клуба были исключительно миллионеры – щедрые, романтические и совершенно одинокие.

– Что ещё за герой?.. – спросила Лена, с которой мы необычайно сблизились после того, как наш любовный треугольник распался.

– Алёша Попович? – съехидничала Куся. – Геракл?

– Человек-паук? – выдала свою версию Туся.

Я отрицательно качала головой.

– Слышали когда-нибудь про бейсджамперов?

– Как?! Бейс... что?

Девочки придвинулись теснее. Всё-таки тяга к героям живёт в любом женском сердце, и даже миллионеры не могут её оттуда выкурить.

– Да, но как ты познакомишься с этим самым бейс... джампером? – спросила меня Лена.

– Например, прыгну с вертолётa и запутаюсь в парашютных стропах какого-нибудь симпатяги.

– Хочешь умереть в один день? – хохотнула Куся.

– Тогда буду флиртовать в полёте, держась на безопасном расстоянии.

Я вдруг представила своё искажённое ужасом лицо, свист ветра и поняла, что не готова к такому экстриму:

– Нет, не пойдёт!

– Попроси застегнуть молнию сзади на лётном костюме! – предложила Туся. – Или подтянуть какую-нибудь лямочку!

– А если на этих костюмах нет ни молний, ни лямок? – гнула своё дотошная Лена.

– Господи! – вдруг сообразила я. – Надо просто представиться журналистом и взять интервью!

После изучения интернет-сообщества бейсджамперов я выбрала Феликса. С его мужественной внешностью он мог бы просто курить «Мальборо» и молча смотреть вдаль с вершины горы. Но он ещё и прыгал.

Мы договорились встретиться в клубе любителей экстрима на Рождественке. Вопреки моей неуёмной женской фантазии, Феликс пришёл не в костюме Бэтмена, а в обычных джинсах и куртке. Но это не охладило мой пыл. Я не отводила от него восхищённого взгляда, боясь пропустить какой-нибудь подвиг между делом.

– И тебе совсем не страшно прыгать? – спросила я с придыханием, заранее зная ответ.

Но ответ оказался неожиданным.

– Конечно страшно! – улыбнулся Феликс. – Когда стоишь на «экзите», на самом краю, остаётся скомандовать себе «Ready! Set! Go!» и прыгать, а ты испытываешь просто животный страх.

– Зачем же тогда?!

– Настоящая мечта должна стоить дорого. Особенно такая красивая, как мечта научиться летать.

В своей жизни Феликс перепробовал всё: сёрфинг, рафтинг, скалолазание, фрирайд на сноуборде. Он гонялся за острыми ощущениями по всему миру. И однажды попал на Камчатку, где был впечатлён километрами нетронутого снега, по которому часами можно было мчаться с бешеной скоростью.

– Иностранцы называют её пудрой, русские – пухляком или целкой... Это же круто, когда ты первый, и она вся твоя, – подмигнул мне Феликс. – Что может быть лучше?!

– Да, действительно, – я понимающе закивала головой, уже твёрдо решив, что рожу ему дочь. Нет, пожалуй, лучше двоих – дочь и сына.

– Именно там, на Камчатке, я встретил Учителя. Человека, который знал, как...

– Скажи, а ты хочешь детей?! – вдруг перебила я Феликса, поддавшись вперёд и неистово сверкая глазами.

– У меня вроде бы есть, но точно не знаю, – поскущел тот. – Да и зачем мне дети, если я умею летать?

Я смутилась, чувствуя себя глупой курицей, способной лишь нести яйца и кудахтать. Хорошо хоть, не успела раздеться в порыве подарить ему потомство.

Но Феликс не заметил моего смущения. С вдохновенным лицом он рассказывал про Учителя – человека, который знал, как выжать максимум адреналина, даже не касаясь девственной целины. Чемпион мира по скайсёрфингу, многократный чемпион по парашютному спорту, легендарный бейсджампер, Учитель запросто сигал с Эвереста, крутил в воздухе возмутительные фигуры, носился вдоль склонов, как птица, и был звездой среди экстремалов.

– Я даже и не мечтал с ним познакомиться, – лицо Феликса осветилось задумчивой улыбкой, и меня кольнуло острое сожаление, что я не Учитель.

– Знаешь, он уникальный человек. Ради нескольких секунд свободного падения может лезть на гору целый месяц, преодолевая адские трудности подъёма, – продолжал Феликс. – Понимаешь, в бейсе решение надо принимать на определённой точке. Назад пути нет. Если только не хочешь остаться на вершине и взывать к орлуше, как отец Фёдор в «Двенадцати стульях».

Записав в блокнот удачное сравнение, я подняла голову и вдруг заметила двух девушек, сидящих за соседним столиком. Они напряжённо прислушивались к нашей беседе и время от времени подавали Феликсу разные знаки. Тот не

реагировал.

– Вы знакомы? – кивнула я на девиц.

– Это мой фан-клуб. Начинающие бейсерши, – усмехнулся Феликс. – Раньше чувствовал себя Киркоровым и жутко уставал от эскорта, но потом привык.

– Ясно, – сникла я.

«Идиотка! Несложно было догадаться, что среди любительниц супергероев жесткая конкуренция!»

– Вон та тёмненькая, Ирочка, мигрирует из моего фан-клуба в фан-клуб Учителя и обратно. А светленькую первый раз вижу.

– Спасибо вам, Феликс, – сдержанно сказала я и закрыла блокнот.

– Может, пообедаем как-нибудь?

– Вместе с вашим фан-клубом?

– У меня есть способы уйти от хвоста.

– Тогда согласна, – расцвела я.

«Всё-таки идея с интервью была удачной. А то сидела бы сейчас, строя глазки, за соседним столиком».

На обратном пути, под впечатлением от бесстрашия Феликса, я спрыгнула с подножки автобуса, не дождавшись, пока он окончательно затормозит, и чуть не расквасила себе нос. Дома я подошла к окну, открыла его и со страхом посмотрела на землю с высоты нашей пятиэтажки. Не Эверест, конечно, но очень страшно. Я вспомнила слова Феликса, что в «бейсе» самое главное – это правильно «отделиться» – то есть оторваться от поверхности, на которой стоишь.

Внизу по дорожке бродили толстые глупые голуби, знающие про отделение и полёты побольше нашего. Я подняла руки вверх и задрала голову. «Первые четыре секунды ни в коем случае не смотреть вниз. Дождаться воздушного потока, на который аккуратно лечь. И на восьмой секунде спокойно выбросить медузу». Тренируясь, я дёрнула правой рукой, выбрасывая воображаемый парашют. «Главное – не смотреть вниз!» Я снова приняла правильную позу для прыжка.

– Ready! Set! Go! – скомандовала я себе и зажмурилась, мысленно шагнув с подоконника.

Перед глазами вспыхнула фраза из сети: «За тридцать два года существования бейса зафиксировано триста десять смертельных случаев».

– Б-р-р! – я закрыла поплотнее окно и пошла ставить чайник.

Единственное, куда я могу бросаться, – это в дурацкие любовные авантюры. Но ещё неизвестно, где круче эмоции и выше смертность.

Достав из буфета сушки, я устроилась на диване и принялась за документальные фильмы про «бейс». Как будущей жене супергероя, мне нужно было полностью овладеть темой. Я всегда думала, что летать могут только матери-кукушки и влюблённые дуры, типа меня. Но оказалось, мужчины тоже летают. Для этого им нужны только специальный костюм с перепонками между руками и ногами и изрядная доля сумасшествия. Сушки я сточила до крошек и перешла на ногти. «Это настоящий телепорт, – вдруг появилось на экране лицо Учителя. – Раз – и ты мгновенно перенёшься из одного места в другое! При этом получив по пути ещё массу положительных эмоций».

«Хм, а Учитель тоже ничего, – задумчиво пробормотала я. – Вполне понимаю Ирочку».

– Ну и как твой роман с героем? – спросили меня девочки на очередном заседании клуба. – С сыном уже познакомила?

– Не путайте героев с обывателями, – отмахнулась я. – И потом, он очень занят на аэродроме. Кидается шесть дней в неделю. По восемь прыжков в день, пока у вертолётчика не начинает кружиться голова от этих чокнутых прыгунов.

– Но ведь есть и седьмой день, – сказала Куся в своей обычной ехидной манере.

– На седьмой он кувыркается в аэродинамической трубе. Чувствую себя Пенелопой, ткущей саван в ожидании Одиссея.

– Совместная деятельность – это залог развития отношений, – сказала Лена. – Знаешь, что такое берданка и когда лучше всего охотиться на бекасов?

– Нет, – покачала я головой.

– А я теперь знаю, – вздохнула Лена. – И, похоже, мне предстоит сидеть с ружьём в засаде с августа по октябрь.

Я посмотрела на неё с уважением.

– У тебя новый роман?

– Хочешь быть женой супергероя, становись супергероиней, – уклончиво ответила Лена, и клуб разошёлся до воскресенья.

– Возьми меня на аэродром! – пристала я к Феликсу на следующий день.

– Что ты там будешь делать?

– Выбрасывать медузу на восьмой секунде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tihonova_lera/muzhchiny-i-dirizhabli

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)